

Дети стали свободнее и лучше, хотя карьеристов и циников не меньше, чем 25 лет назад

Заслуженный учитель Лев Соболев отвечает на вопросы "Новой газеты".

— Лев Иосифович, вы преподаете русскую литературу. Трудно придумать более «неутилитарный» предмет. Нет ли у вас чувства, что вашим сегодняшним ученикам литература вовсе не нужна?

— Но «самый читающий советский народ» — это тоже сказки! Вот идет 1976 год. Мой первый выпускной класс в этой школе пишет экзаменационные сочинения. Захожу в учительскую — коллега умирает от смеха. «Смотри, — говорит, — отобрал шпаргалку у Пашки: «Катерина — луч света в темном царстве». А Паша с нее списывает сочинение «Ленин у Маяковского». Мало было таких «творческих» мальчиков?

А русская литература... Я хочу, чтобы мои ученики научились ее читать. Чтобы они поняли: Толстой, Достоевский, Чехов — это собеседники. Слава богу, мне действительно редко задают вопросы: «Зачем нам Болконский?»

— Ваш педагогический стаж насчитывает сорок лет. Перед вашими глазами прошли ученики четырех исторических эпох. В чем особенность нынешнего поколения ваших учеников?

— Главная черта нашего времени, на мой взгляд, в том, что оно значительно более свободно от идеологического пресса. Ушел вырабатываемый двоемыслием цинизм. В советские времена мы учили своих учеников выживать. Вывести их на площадь опытному педагогу было бы нетрудно (недаром сложена притча о гаммельнском крысолове, соблазнившем детей звуками дудочки). А надо было, чтобы они остались людьми и все-таки «не полегли на поле боя», чтобы в прямом смысле не сломались их жизни. Сейчас этой опасности — «полечь» — практически нет. Да, остались приспособленцы, карьеристы и циники, хотя, думаю, их было не меньше и 25—30 лет назад. Но сейчас — в силу большей откровенности времени — свободнее и в каком-то смысле лучше стали и дети.

— В чем проявляется эта свобода? В том, что они позволяют себе не соглашаться с учителем?

— Спорили со мной и мои первые ученики. Но в 1976 году я, рассказывая о Толстом, мог получить записочку от десятиклассницы: «А вам не кажется, что Солженицын очень похож на Толстого?» — и такой вопрос тоже был проявлением внутренней свободы.

Свобода же нынешних детей в том, что они — по крайней мере, пока не надо думать о поступлении в институт, — могут заниматься делом, им действительно интересным. Они не обязаны врать, не должны думать, можно ли произнести имя Солженицына, или завтра кто-нибудь настучит и будут серьезные неприятности. Они открыты. Когда я с большим трудом объясняю им, что такое цензура, то вижу — они либо не очень понимают, либо не очень мне доверяют. И я этому страшно рад. Потому что для моих учеников 1982 года достаточно было намека, чтобы обнаружить круг единомышленников.

— Как изменилась их система взглядов — что им представляется важным, а что не задевает ни их чувств, ни их ума?

— Здесь трудно и опасно обобщать. Наверное, их всех задевает музыка, это важно всем; а вот что их не трогает, сказать трудно: одним неинтересен театр, другие им увлечены; одним неинтересна политика, другие ею захвачены и т.д.

— Что хотят получить эти свободные дети от формализованного социального института — школы?

— Дети раздраемы сотнями влияний. Самые заметные — чего хотят родители, чего хочет — не совсем

понимая это — сам ребенок, что происходит с его лучшим другом, как обстоят его сердечные дела. Наконец, насколько он устал. В 11-м классе преобладающее настроение, даже в хорошей школе: «Пусть это кончится как можно скорее». Учеба — невыносимо тяжелая психологическая нагрузка. Уроки, репетиторы, давление домашних: «Провалишь институт — пойдешь в армию», конечно, изматывают. И дело школы — поддержать ребенка. Поддержка заключается, на мой взгляд, в том, чтобы не навязывать готовых решений.

— Но им в 13—14 лет приходится принимать серьезное решение — выбрать специализацию, которая определяет их дальнейшую жизнь.

— В идеале выпускник хорошей школы должен быть готов к поступлению в любой вуз. Это может показаться странным, потому что у нас многопрофильная гимназия и в восьмом классе дети выбирают, станет ли их профессией химия с биологией или филология с историей. Разумеется, бывают желания обратного хода, когда после физического класса идут на филфак, а после гуманитарного — в Бауманское училище. Но моя задача — выучить ребенка так, чтобы он мог поступить в желаемый вуз, не оглядываясь на коррупцию, которую, увы, никто не отменял.

— Готовить к поступлению в институт, дав необходимый объем знаний, — очевидная задача школы.

— Я имею в виду психологическую готовность к дальнейшему образованию. Старая притча про рыбу и удочку абсолютно справедлива. Надо научить их добывать знания. А пичкать знаниями, которые они, как дровосек ношу, сбрасывают, не успев выйти в коридор, бессмысленно. Пусть они узнают, где найти сведения о писателе, критическую литературу. И при этом будут понимать, что «скачать реферат из интернета» — для дураков, что этот уровень не может их устроить.

Надо учить их ответственному отношению к делу. Иногда приходится говорить детям: «Если вы пришли сюда играть в традиционную школу: я вас ловлю на прогулах, шпаргалках, а вы от меня прячетесь, то я, пожалуй, выхожу из игры. Если для вас урок — наказание, давайте расстанемся. Договоримся — мы заинтересованы хорошо делать общее дело, и это дело нам нравится».

Но я нахожусь в выгодном положении, потому что работаю в школе, где у детей есть мотивация. Они хотят учиться. Понимаю, как тяжело работать в школе где-нибудь на задворках ЗИЛа, подобной той, в которой я начинал когда-то. Когда ребенок настолько неблагоприятный — часто материально, и почти всегда психологически, — что тут не до жирау, его не учить надо, а иначе помогать.

— Вы рассказываете, как учите подростков учиться, а на самом деле — тому, что лежит далеко за пределами учебника: чувству собственного достоинства, умению уважать собеседника, честности в отношениях. Вы оставляете за школой право формировать мировоззрение ребенка или это целиком задача семьи?

— Учить, не воспитывая, невозможно. Учитель появляется на уроке с немой головой — это воспитание. Переходит на крик — воспитание. Каждый раз заканчиваете урок на пять минут раньше — тоже воспитание.

Я говорю детям совершенно искренне: «Я прихожу заниматься с вами русским языком и историей литературы. И мне страшно неприятно объяснять вам, дорогие детки, что, когдаходишь в кабинет, нужно здороваться. Или что электронное письмо ко мне лучше начинать с обращения». Но это приходится делать, если я не скажу, им может никто этого не сказать.

— Поступление в востребованную школу предполагает высокий конкурс. Как среди потока жаждущих вы находите своего ученика?

— У нас есть набор в 5-й класс и набор в 8-й класс. Происходит так — в течение года для абитуриентов гуманитарного класса работает факультатив. Его ведет преподаватель, набирающий класс. За время этих занятий учитель и ученики проверяют друг друга на совместимость. Можно, разумеется, не посещать факультатив, все претенденты сдают письменные экзамены, результаты которых достаточно объективны. А дальше у нас плотная работа. И результаты этой работы могут оказаться такими, что через полгода мы расстанемся.

— Ваши ученики проходят испытание «средой обитания»?

— Очень немногие умеют и любят по-настоящему учиться. Другое дело, что они попадают в среду, где неприлично плохо учиться. И это сильно дисциплинирует.

— **Есть школы, куда поступают ради карьерного старта, когда при приеме в институт номер школы сразу засчитывают абитуриенту в плюс.**

— Конечно, никто из моих учеников не отказался, если бы наша гимназия превратилась в Итон, после которого открывалась дорога в любой университет Англии. Но — как бы я ни хотел подстраховать своих учеников — их родители знают, что делают, когда в 11-м классе берут вузовских репетиторов. Поступают наши выпускники вполне пристойно — 100% или около того. При этом мы выдаем принципиально мало золотых медалей.

— **Что такое, на ваш взгляд, хорошая школа? Что создает ее особую атмосферу?**

— Хорошая школа — та, куда хочется возвращаться, потому что — процитирую свою выпускницу 1990 года — «это были лучшие годы жизни».

Что касается атмосферы, для меня здесь нет единого ответа. Учителя? Конечно. Но если бы не умная администрация, в школе не было бы таких учителей. И в хорошей школе может попасться неудачный учитель. Но он не портит общей атмосферы школы. Знаете... бывают разные классы. Входишь к одним и понимаешь: здесь есть пара случайных учеников, но в целом класс настроен работать. А в соседнем кабинете вроде бы такие же дети, но они абсолютно неработоспособны, потому что там задают тон лоботрясы, считающие доблестью безделье.

То же самое со школой. Если в школе один учитель, к которому хочется вернуться, он выглядит белой вороной. И ему несладко среди коллег. А когда выпускник идет к тебе в гости и тратит три часа (надо наговориться со всеми знакомыми!), чтобы добраться до твоего кабинета на четвертом этаже, — это хорошая школа.

— **Почему же так мало школ, в которые хочется вернуться?**

— Возможно, потому что редко встречается умение не ставить ребенка в шеренгу. А чаще: «Во-первых, я лучше знаю, во-вторых, мне на тебя наплевать, в-третьих, всегда есть что-то важнее тебя — страна, держава, я сам».

Учительская работа — тяжелая и опасная, потому что развивает авторитарное мышление. Изо дня в день она убеждает: знаешь истину, а твои ученики к ней только идут, и без тебя им, конечно, ее не найти! Тогда ты начинаешь разговаривать с домашними, будто ты на уроке. В метро ловишь бегущего мальчика и отчитываешь его: «Не бегай!» За всем этим стоит убежденность — ты знаешь, как нужно. А ты не знаешь ничего. Ты должен понимать, что человек в автобусе, или в твоей квартире, или сосед по лестничной площадке — неповторимая и открытая личность. Так же, как твой ученик.

Помните, у Толстого в незаконченном романе «Декабристы» Наташа, жена Петра Лабазова, говорит мужу: «Сережа моложе чувствами, но душой ты моложе его. Что он сделает, я могу предвидеть, но ты еще можешь удивить меня». Вот если видишь в подростке человека, могущего удивить, он это ценит.

— **«Своя», назовем ее интеллигентская, среда формирует определенный тип ученика, который, со значительной долей вероятности, окажется «своим» в вашей школе?**

— Воспитание во многом определяется семьей, но прямой зависимости здесь нет. Есть дети самых простых семей, одержимые желанием учиться. Так еще поэта Кольцова отец лупил: «Надо мясо на рынок везти, а не стихи писать!» При большом желании хорошо выучиться можно не только в школе, имеющей репутацию «интеллектуальной», но и в дворовой. Но между ними разница, как между классом, который хочет и не хочет учиться. Попасть в среду, где стыдно сколько-нибудь старательно учиться, стыдно не материться, не курить, не пить, — плохо. И лучше туда не попадать.

— **Возможно, вам везет на учеников, им не надо проговаривать само собой разумеющиеся вещи. Вы вообще не чувствуете «сопромата»?**

— Конечно, чувствую. Любая работа всегда есть преодоление «сопротивления материала». Они сопротивляются, что нужно читать толстые книжки, что нужно много писать, что нужно трудиться. На первых уроках их недоумение по поводу литературы ничуть не меньше, чем в 8-м классе любой дворовой школы, хотя настрой, конечно, совершенно другой.

Боюсь, с годами все меньше понимаю их культурные пристрастия. По крайней мере все меньше способен относиться к этим пристрастиям с уважением. Мы не всегда говорим на одном языке, потому что я из

литературоцентричной страны, а они из страны, где фамилии живых писателей почти никому не известны. Это делает наш диалог труднее, но поскольку это необходимое условие работы, смею надеяться, что он будет продолжаться.

— **Некоторые школы сознательно прививают своим выпускникам некий «корпоративный дух». Кажется ли вам это важным?**

— Мне кажется, он создается сам собой. И у нас он есть. Мы разные, но мы ценим свою школу, мы гордимся ею и отличаем друг друга по принадлежности к ней.

Автор: Екатерина Жирицкая © Новая газета ОБРАЗОВАНИЕ, МИР 👁 3523 22.12.2009, 00:24 📄 495

URL: <https://babr24.com/?ADE=82946> Bytes: 12045 / 11933 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)